

УДК 316.42

ЛАРИСА ТИТАРЕНКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Минск

Постсоветская трансформация общества сквозь призму оценок российских и украинских социологов

Размышления по поводу двух монографий

Есть много характеристик постсоветских трансформаций, которые приложимы ко всему постсоветскому пространству, независимо от конкретной страны. Давно прошли те времена, когда ученые утверждали, а массы принимали на веру, что постсоветское общество будет успешно развиваться в рыночную экономику и либеральную демократию. Сегодня и ученые, и население дают гораздо более “скромные” оценки настоящему и будущему общества. Среди доминирующих определений состояния общества, прежде всего, можно назвать социальную неопределенность, турбулентность и непредсказуемость его дальнейшего развития. Часть этих характеристик (если не все) относится и к современной глобальной мировой системе, которую И.Валлерстайн рассматривает как результат несправедливого глобального перераспределения ресурсов и асимметричной конкуренции в современном мире [Валлерстайн, 2008], И.Терборн — как возврат к росту классового неравенства внутри любого современного общества [Терборн, 2011], З.Бауман — как “течущую современность” [Бауман, 2008], а Х.Йоас — как царство случайности и неопределенности [Joas, 2003].

Что касается отдельных стран, здесь “диагноз времени” может достаточно сильно расходиться внутри страны — от позитивных идеологически окрашенных официальных оценок избранного элитой курса развития в качестве “оптимального” (российская модернизация как путь в современный постиндустриализм, белорусское общество устойчивого развития или украинская евроориентация) до строго выверенных, опирающихся на большую эмпирическую базу исследований оценок, сделанных отечественными и зарубежными авторами. Чего стоит хотя бы оценка Майклом Буравым современного вовлечения России в капитализм как “транзита без трансформации”? [Буравой, 2010: с. 21].

В данной статье представлены размышления по поводу двух “диагнозов” общественного развития, сделанных для двух ведущих стран постсоветского пространства, России и Украины, известными в каждой из стран социологами: главным редактором российского журнала “Социологические исследования” Ж.Тощенко и заместителем директора Института социологии НАН Украины Н.Шульгой. Их работы выбраны как своего рода знаковые для каждой страны. Объединяет их то, что обе появились в год двадцатилетия распада СССР. Таким образом, они подводят

итоги развития двух десятилетий, отвечают на вопросы, насколько успешно шло национальное строительство в каждой стране, что хотели построить изначально, и каков достигнутый результат. Обе монографии представляют собой солидные исследования — около полутысячи страниц каждая. Как пишет Н.Шульга во Введении к своей монографии, период в 20 лет открывает взору “ключевые тенденции в жизни страны, побуждает к осмыслению самых характерных векторов общественного движения. Это тот первый отрезок времени, который уже позволяет говорить о переходе от эмпирико-социологического к историческому масштабу измерений социальных явлений” [Шульга, 2011: с. 3].

При всей условности сравнения этих двух работ и ограниченности самого масштаба анализа итогов постсоветского развития двумя монографиями, полагаю, что эти книги очень важны: они дают почву для дальнейших размышлений авторам самых разных направлений.

Начнем с монографии российского социолога Ж.Тощенко, который хорошо известен и в Украине. Его работа “Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа)” посвящена исследованию так называемых кентавр-проблем в познании и социальной реальности — феномена, который автор определяет как “особую форму противоречия, особое проявление парадоксов, имеющую особенные, специфические и уникальные черты” [Тощенко, 2011: с. 24]. По мнению Ж.Тощенко, такие проблемы имеют место в разные исторические эпохи в разных странах, однако они получают особое развитие в современной России. Отсюда и интерес автора к проблеме, его желание разобраться с ней научными методами и определить пути дальнейшего исследования [Тощенко, 2011: с. 8].

Сам термин, давший название книге, не был непосредственно взят автором из мифологии: он уже применялся ранее в анализе ряда феноменов массового сознания. Заслуга Ж.Тощенко в том, что он переосмыслил кентавр-проблематику на российском материале, причем не только в этой монографии. Подобные переосмысления давно известного уже имели место в современной социологии. Например, понятие габитуса, просуществовав в литературе много веков, получило новый смысл, когда П.Бурдьё включил его в структуралистский анализ общества. Ж.Тощенко также наполняет понятие кентавризма новым содержанием, когда дает ему расширительную трактовку и распространяет его использование с мифологии на все сферы общественного сознания и социальной действительности.

Книга “Кентавр-проблема” продолжает серию публикаций Ж.Тощенко по данной проблеме, среди которых самая известная — предыдущая его монография “Парадоксальный человек” [Тощенко, 2001]. Новая работа существенно развивает и углубляет сюжеты прежней, поэтому можно считать ее серьезной заявкой автора на создание оригинальной “социальной теории кентавризма” как теории российской постсоветской трансформации. По мнению самого Ж.Тощенко, проблема “кентавризма” является не просто художественной метафорой для описания процессов, имеющих место в современной России. За ней скрыты глубинные феномены, тщательный анализ которых в монографии позволяет читателю лучше понять, что же происходит сегодня с Россией, почему она пришла к нынешнему кризисному состоянию, и задуматься, каковы перспективы выхода из “состояния кентавризма”.

Проблема, поднятая Ж.Тощенко, гораздо серьезнее, чем о ней принято думать на уровне анализа противоречий массового сознания. Как отмечает автор, она имеет теоретико-методологические основания в парадоксальной противоречивости самого процесса познания мира. Чтобы возникла “кентавр-проблема”, как показывает автор, нужны объективные моменты (наличие определенных противоречивых ситуаций в реальной действительности) и субъективные условия (неумение понять реальность, нехватка знаний или квалификации в ее анализе, нежелание разобраться в сложностях проблемы и др.), которые в определенных социальных ситуациях способствуют формированию противоречивых образований, сочетающих в себе несовместимые компоненты. Однако главное обстоятельство живучести данного феномена — в том,

что “кентавр-проблемы” становятся актуальными, когда на них имеется социальный заказ, заинтересованность определенных групп в манипулировании массовым сознанием и наличие соответствующих ресурсов (медиальных, материальных, властных, символических и др.). Именно в таком случае ситуации они могут конструироваться и культивироваться в интересах элит, отдельных лиц, демагогически навязываться массовому сознанию в качестве стереотипов и “непререкаемых мнений”. Так возникают многочисленные “кентавр-явления”, “кентавр-процессы”, “кентавр-идеи”, “кентавр-организации”, “кентавр-образы” и даже “кентавр-личности”.

Как показывает Ж.Тощенко, развертывая широкую панораму различного рода “кентавр-проблем”, “нашествие кентавров” предполагает определенное состояние общественного сознания и знаменует собой “новую ситуацию в познании мира” [Тощенко, 2011: с. 429], предъявляющую рефлексивную специфику современной характеристики современности — кентавризм. Речь идет, прежде всего, о России, хотя автор не раз выходит и на более высокий уровень осмысления проблемы как “знака современности”.

“Кентавр-проблема” связана с противоречиями, однако никак не сводится к ним. По мнению автора, кентавризмы отличаются от противоречий, парадоксов, диалектизм, антиномий и других сходных понятий тем, что представляют собой состояние сознания (и знания), которое отражает “совмещение несоместимого”, “сочетание несочетаемого” [Тощенко, 2011: с. 441]. Не имея подходящего нового “родового” понятия, которое бы помогло раскрыть специфику “кентавра” по сравнению с перечисленными выше и хорошо известными ранее понятиями, отражающими противоречивость познания и социальной реальности, Ж.Тощенко пишет, что “кентавра” можно условно определить как особую форму проявления противоречия или проявления парадоксов, так как здесь “мы встречаемся с другим классом явлений и процессов, которые имеют свои особые характеристики, свои особенности в познании мира” [Тощенко, 2011: с. 24].

Исторически, как полагает автор, “кентавр-проблемы” возникли в сфере познания, однако затем сфера их распространения расширилась, они проявились и в общественной жизни. Последнее особенно явно проступает в эпоху бурных перемен и радикальной ломки социальных, политических, экономических отношений. По мнению Ж.Тощенко, “кентавр-проблемы” далеко не всегда могут осознаваться их носителями, но быть очевидными для исследователя. Они связаны с проявлением принципа неопределенности в познании, находятся на стыке явного и скрытого знания, и поэтому их анализ обладает инновационным потенциалом. Те российские политики, общественные деятели, управленцы и обслуживающие их ученые, которые продолжают мыслить об обществе по-старому, изображать развитие однонаправленно линейно, не замечая его противоречивости, обречены на то, чтобы оказаться (сознательно или бессознательно) в плену кентавризма — сначала в познании, а затем в вопросах практики, что неминуемо ведет к провалу их действий.

Каким образом кратко выразить вклад автора в осмысление проблем познания современной российской реальности? Ж.Тощенко поставил и решил ряд задач: определил и описал феномен “кентавризма”, проанализировал его проявления; дал типологию “кентавр-проблем” (выделил кентавр-явления и соответствующие процессы, идеи, институты, образы и личности); разработал онтологию кентавризмов; раскрыл способы, какими возникают кентавр-проблемы в познавательной и преобразующей деятельности человека, и объяснил, почему в современной России кентавризмы множатся так быстро. Объективная основа “нашествия кентавров” — чрезвычайное усложнение самой социальной реальности, возникновение новых потребностей общества, невозможность дать на эти потребности четкий и однозначный ответ.

Здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с авторским описанием современного “общества риска”, только в иной проекции и вне рамок этой концепции. Главная черта новой ситуации, выделенная Ж.Тощенко, — условия неопределенности целей, задач, средств их достижений [Тощенко, 2011: с. 443] — сближает концепцию Ж.То-

щенко с “обществом риска”, описанным Э.Гидденсом, У.Беком, Н.Луманом и другими западными авторами. При чтении монографии может возникнуть аллюзия и на концепт симулякров Ж.Бодрийяра. Возможно, то, что в западном варианте называется этим термином и служит основой “гиперреальности” (Бодрийяр), у Ж.Тощенко получило другое имя, тогда как выявленная в обоих случаях имитационная сущность этих явлений современного общества сходна.

Указанные аналогии дают основание рассматривать “теорию кентавризмов” как постсоветскую (или российскую) версию осмысления современности, написанную с позиций “социологии жизни”, которую давно развивает Ж.Тощенко.

Однако сам автор не озабочен тем, чтобы найти место своей теории в ряду других современных социальных концепций, не вдается в философский дискурс и сравнение своей теории с другими. Он занят анализом конкретного эмпирического российского материала в рамках новой теории: рассматривает гносеологические корни кентавризма, проводит анализ его социальной сущности, экономических и политических форм проявления (привлекает работы социологов, политологов, журналистов, психологов), открыто разоблачает личности и институты, так или иначе связанные с распространением кентавризмов в постсоветском (российском) пространстве, опираясь на огромное количество разнообразных источников информации, данные исследований, СМИ.

Именно “погруженности” в широкое эмпирическое поле и необходимость осмысления новых феноменов, возникающих в процессе познания и в социальной практике, приводит автора к методологически важному и ответственному тезису о необходимости новой теории: ответ на проблемы постсоветской трансформации России “следует искать в новых подходах к осмыслению того, что происходит в реальности, а не в забытых и устаревших схемах...” [Тощенко, 2011: с. 5–6]. Таким образом, возникновение новой социальной теории “кентавризмов” является продуманным и обоснованным ответом на назревшую проблему:

“...Кардинальные изменения, происходящие в российском обществе, привели к возникновению и проявлению новых характеристик общественного сознания и социальной практики, отличающихся от предшествующих их состояний на предыдущих этапах развития и функционирования. Данное положение имеет большое принципиальное методологическое значение. Его применение может привести к иным результатам и иному объяснению происходящего” [Тощенко, 2011: с. 27].

По мнению Ж.Тощенко, социология не могла оставаться в стороне от поисков ответа на эти актуальные общественные вызовы. Поэтому в качестве ответа на запрос практики и родилась данная теория “кентавризма”, выстроенная автором в рамках его “социологии жизни”, дополненной марксистской диалектической остротой и бескомпромиссностью в анализе социальных противоречий. В выстраивании этой теории со всей полнотой проявляется личностная позиция Ж.Тощенко как публичного социолога (термин М.Буравого) — ученого, который своими научными исследованиями и достижениями пытается помочь обществу теоретически осмыслить социальные проблемы, предложить научные подходы в сфере социальной политики, четко артикулировать собственные взгляды и моральную позицию в той или иной ситуации. Чем еще, как не гражданской позицией Ж.Тощенко, можно объяснить его нелюбимую характеристику современного российского образования, растерявшего прежние советские достижения в попытке подстроиться под Болонский процесс, но активно стремящегося соединить светскость с религиозностью? И как еще, кроме демагогического манипулирования сознанием и поведением своего народа, можно обозначить действия властных групп — тех, кто называет себя политической элитой, а по сути дела, как показывает Ж.Тощенко, таковыми даже не являются? Авторские оценки в отдельных местах представляются даже чрезмерно радикальными (например, в разоблачении политических групп как кланов, клик, лже-мессий и хамелеонов), спектр проблем и лиц, которые он критически анализирует, чрезвычайно широк, и не со всем можно соглашаться, но автор имеет право на выражение личной позиции. Ж.Тощенко

остается верен себе и как теоретик, и как исследователь, и как эксперт, предлагающий обоснованные подходы в сфере социальной политики. Поэтому в целом монография дает цельную картину социального мира современного российского общества — не нейтральную, а ярко окрашенную и панорамную.

Распространенность в современной российской социологии предложенного Ж.Тощенко подхода к анализу “кентавр-проблем” свидетельствует о его перспективности в конкретных исследованиях социальных противоречий. Ж.Тощенко ссылается, например, на работы Л.Беляевой по анализу российского общественного мнения о трансформации общества, Ю.Вишневого (анализ современной молодежи), Л.Дробижевой и А.Дмитриева (исследование этнонациональных проблем), Е.Омельченко и Е.Лукьяновой (анализ ксенофобии) и др.

Ж.Тощенко не ограничивает себя рамками эмпирического исследования в рецензируемой монографии. Он ставит перед собой весьма амбициозные задачи — раздвинуть привычные рамки теоретико-методологического исследования современного общества, вывести это исследование на принципиально новые рубежи, т.е. создать масштабную “теорию кентавризма”. Предлагаемая им концептуальная модель данного феномена опирается на научный фундамент, построенный на стыке социологии и социальной психологии, использует культурно-исторический подход и неклассическую теорию познания [Тощенко, 2011: с. 22]. Она предполагает акцент на качественных методах исследования, однако допускает и органичное использование количественных методов (здесь автором применяется принцип дополнительности), а также матричной системы, разработанной и применяемой в науке С.Кирдиной. Таким образом, научное здание под названием “феномен кентавризм” имеет как минимум два этажа — эмпирический и теоретический — и покоится на принципах дополнительности, использования разных конкретных подходов, дисциплин, методов исследования.

Монография Ж.Тощенко демонстрирует, что российская социальная мысль имеет свою траекторию развития, не копирующую западную¹. Хотя проблемы развития современных обществ в чем-то схожи (невозможно представить, что “кентавр-проблемы” чисто российские, да и сам автор утверждает, что “кентавры” универсальны), подход Ж.Тощенко и широкий круг анализируемых им феноменов (“кентавр-проблем”) рефлексировать именно российскую реальность и видение этих противоречивых проблем познания и социальной практики в постсоветских условиях. Он не связан со структурным функционализмом, широко представленным в зарубежных исследованиях XX века (начиная от Т.Парсонса и заканчивая Дж.Александром и Р.Мюнхом). Не прослеживается непосредственная связь теоретического подхода Ж.Тощенко и с теорией социального действия М. Вебера и его последователями — конечно, можно представить кентавризмы социальной практики как особые виды действия, но все же подход у Ж.Тощенко другой. Так же далек он и от прагматизма, возрожденного в западной социальной мысли благодаря трудам Р.Рорти, Х.Патнема и Х.Йоаса, и от постструктурализма и прочих “измов”. Тощенко развивает собственную теорию постсоветской трансформации и использует собственную методологию социологического исследования.

Особо можно выделить тезис автора (сознательно акцентируемый или пропущенный им между строк), однако логически вытекающий из его анализа эмпирических проявлений кентавризмов, о наличии и в сфере познания, и в самой реальности современного общества неразрешимых проблем. Этот тезис имеет принципиальное значение и сближает позицию Ж.Тощенко с авторами, развивающими в современной социально-философской теории проблемы общества *modernity*, которые также подчеркивают факт внутренне неразрешимых проблем современности.

¹ В статье, опубликованной в “Глобальном диалоге”, Ж.Тощенко и Н.Романовский прямо утверждают, что “Россия пошла по другому пути, а заимствованные рецепты изменения экономической и социальной жизни не оправдали себя” [Романовский, 2012: с. 23].

Сильная сторона теории Ж.Тощенко в том, что в ней автор пытается трактовать “кентавризм” не только с точки зрения гносеологии, но и с позиции социальной практики. Ж.Тощенко проводит подробный анализ социальных проявлений “кентавр-проблем”, механизмов их распространения в обществе. Благодаря этому ему удается создать содержательную в социологическом плане картину внутренне противоречивых, несовместимых между собой феноменов общества — более содержательную и емкую, чем та, которая предлагается многими другими российскими авторами. Впрочем, это не означает, что данная позиция сама не вызывает критических вопросов и замечаний в свой адрес. Например, говоря о двух сторонах любой “кентавр-проблемы”, Ж.Тощенко (как и критикуемые им авторы) подвержен дихотомизации мышления, даже если он сознательно пытается этого избежать.

Отметим и другие слабые места представленной теории. Автор абсолютизирует “кентавризм”, иногда подводя под это понятие буквально все противоречивые проблемы общества. Трудно согласиться, что свобода и демократия могут быть поняты как “кентавр-идеи”. Вряд ли такая трактовка адекватна, как и интерпретация предательства и манкуртизма как “кентавризмов”. Эти феномены заслуживают другого социального уровня анализа и другого названия. Не все типы выделенных автором кентавризмов одинаково наполнены содержательным смыслом. В результате одни типы представлены репрезентативно, а другие фрагментарно. Да и сам Ж.Тощенко в конце книги говорит, что ряд кентавризмов можно продолжать до бесконечности.

Ценность монографии Ж.Тощенко в том, что она свидетельствует: в условиях современного нестабильного общества классические концепции и социальные теории уже не работают. Совершенно очевидно, что общество, где преобладают “кентавр-проблемы”, не может анализироваться исходя из допущения единства между индивидом и обществом, то есть из гармоничной интеграции индивидов в стабильную социальную систему типа парсонсовской. Институциональная структура общества не соответствует прежним, упрощенным представлениям о ней — ошибочным становится само допущение целостности как нормативного состояния, достигаемого через социализацию и интернализацию ценностей, либо как гармоничного идеала. Поэтому отдельные индивиды, группы и институты действуют в собственных интересах, которые не стыкуются между собой и не обязательно связаны с общественным интересом. В обществе трудно (если еще возможно) выделить некий основной, фундаментальный конфликт по типу классового конфликта между пролетариатом и буржуазией, который выделил в свое время Маркс. Поэтому, как утверждает автор, не может быть и определенных исторических сил (акторов, классов, социальных движений), согласованно борющихся в рамках одного базового конфликта ради достижения общей цели. Существует большое разнообразие субъектов со своими особенностями действия, эмпирическое исследование которых в рамках отдельных научных проектов становится задачей социологии. При этом, как явственно демонстрирует концепция “кентавризма”, исследование новых акторов и современных обществ в целом невозможно (неплодотворно) проводить с помощью инструментария классических социальных теорий.

Столь же критичен и пессимистичен в выводах на ближайшую перспективу анализ украинского общества, проведенный известным украинским социологом Н.Шульгой. Его монография выпущена в серии “Общественная библиотека” под рубрикой “реалистическая теория и созидательная практика”. Действительно, предложенный автором социологический анализ постсоветского трансформационного развития Украины вполне соответствует этому названию. Пройденные Украиной двадцать лет Н.Шульга называет дрейфом, сравнивая таким образом страну с большим кораблем. Кратко оценивая направление этого дрейфа, автор с горечью пишет, что “двадцатилетний дрейф страны состоялся. Но, как оказалось, это был дрейф на обочину”: из числа стран социализма Украина, по его мнению, скатывается в сторону стран третьего мира [Шульга, 2011: с. 445]. Выводы ученого строятся на многолетних эмпирических исследованиях проблем украинского общества, проводимых

в рамках мониторинга Института социологии НАН Украины; они везде подкреплены статистическими данными и собственными размышлениями, что и делает монографию убедительным научным диагнозом современному обществу. Книга доказывает, что ни одна из главных проблем Украины пока не решена: гражданская самоидентификация украинцев не состоялась и протекает довольно противоречиво, институты государственной власти не пользуются доверием населения и остаются слабыми, в государстве процветает коррупция, что умножает растерянность и неопределенность среди граждан страны. В то же время для простых украинцев главной социальной ценностью, судя по данным мониторинга, остается порядок в жизни общества: по мнению 72% опрошенных, проблемы Украины во многом вызваны тем, что порядка не хватает, а 69% уверены, что действующие в стране законы не соблюдаются; 64% заявили, что им не хватает уверенности в собственном будущем [Шульга, 2011: с. 329]. Таким образом, цели, декларировавшиеся в Украине в начале постсоветской трансформации, оказались недостигнутыми. В другой работе, написанной сотрудниками Института социологии НАН Украины на основе тех же уникальных данных мониторинга, Н.Шульга в своем “Послесловии” еще более резко пишет: “В итоге в 2011 году мы имеем не то, рекламировавшееся в 1991 году в СМИ развитое демократическое, правовое, рыночное, богатое социальное общество, а олигархический дикий капитализм, с гигантской социальной поляризацией, масштабной бедностью, разрушенной социальной сферой, повсеместной коррупцией и деформированной нравственностью” [Українське суспільство, 2011: т. 1, с. 559].

Как собственно Н.Шульга рассматривает украинский дрейф?

В книге три раздела. В первом из них приведен обзор главных событий в Украине за 20 прошедших лет, а также рассмотрены в динамике основные социально-политические процессы. Проанализирован процесс трансформации социальной структуры украинского общества, дана характеристика его двух нынешних основных классов (это — “работодатели” как завуалированное название капиталистов и “наемные работники” как общее обозначение целого ряда групп занятого населения), показаны причины слабого осознания классами своих коренных интересов. Кроме основных социальных классов и групп подробно определяются и характеризуются разные виды элит украинского общества.

Второй раздел монографии посвящен становлению в стране потребительского общества. В этом разделе рассмотрены теоретические вопросы, связанные с пониманием образа и стиля жизни, показано, в чем состоят особенности формирующегося ныне образа жизни и какова специфика стилей жизни населения в обществе бедности. Описаны типы современных стилей жизни украинцев, существующие практически во всем мире, независимо от уровня технологического развития страны. В этом смысле Украина развивается в общем русле глобализма. Главной чертой стиля жизни украинцев стало потребительство, что, на мой взгляд, также является отнюдь не национальной характеристикой, а лишь проявлением феномена глобализации Украины.

Третий раздел монографии охватывает весьма актуальную для социологии тематику, сосредоточенную вокруг “вызовов времени” обществу. Прежде всего проанализированы сами понятия “вызов времени” и “вызов истории”, показаны контексты, в которых используется каждое из них. Механизм восприятия вызовов истории сложен и многоэтажен; обычно вызовы воплощаются в определенную форму разного рода мыслителями, выполняющими функцию интерпретации исторической ситуации, формулирования ее сути и предложений насчет выхода из нее, но решения всегда принимают правители: властители [Шульга, 2011: с. 326]. Причем не факт, что последние опираются на осмысленную концепцию желаемого будущего и дают ответ на “вызов времени” именно тогда, когда он необходим.

Н.Шульга показывает, каким образом население (личность, группы) реагирует на “внутренние вызовы” украинского общества. Так, обостряется проблема социокультурной маргинализации, связанная с потерей личностью таких опор в социальной жизни, как понятие родины, со снижением социальных статусов у огромного

числа украинцев, разрушением ценностно-смыслового жизненного пространства многих социальных групп.

Вызовом, брошенным временем украинскому обществу, стал и глобальный финансово-экономический кризис. И если значительная часть проблем Украины, связанная с ее элитами, хорошо известна за пределами страны, так как широко обсуждается в политической сфере вместе с проблемой новых вызовов и геополитических выборов Украины, то результаты опросов по внутренним социальным проблемам, полученные в рамках мониторинга, известны лишь в Украине. Тем интереснее заниматься с их анализом, представленным в монографии. На основании данных мониторинга, то есть оценок общественным мнением проблем общества, можно проследить, в каких моментах украинское общество “разошлось” с российским, а где они сохраняют свою схожесть. Например, в России политической элите удалось интегрировать вокруг себя значительную часть общества, тогда как Украина демонстрирует противостояние институтов власти, которое ослабляет государство. Как показал Н.Шульга, на протяжении ряда лет нарастали тенденции кризиса украинской государственности. Парадокс состоял в том, что чем больше национал-демократы говорили о независимости, патриотизме, национальном самосознании, тем слабее становилось украинское государство. После “оранжевой революции” эти процессы стали очевидны. “Скандалы стали неотъемлемым признаком жизни правящей элиты Украины” [Шульга, 2011: с. 54]. В тяжелых экономических условиях, еще более усугубившихся в годы глобального финансового кризиса, миллионы украинцев предпочитали выживать за счет трудовой миграции либо в Россию, либо на Запад. Украина потеряла самые конкурентоспособные группы населения — по разным данным от 2,5 до 7 млн человек [Шульга, 2011: с. 68].

Президентские выборы 2010 года, на которых одержал победу В.Янукович, еще раз продемонстрировали разницу в ценностных и геополитических выборах населения, проживающего в разных частях страны, причем этот разрыв еще больше обострился уже после выборов [Шульга, 2011: с. 59] и способствовал дальнейшему расколу страны. Приоритеты внешней политики несколько изменились: улучшились отношения с Россией, с повестки дня был снят вопрос о вступлении Украины в НАТО [Шульга, 2011: с. 62]. Мониторинг мнений населения показывает, однако, что и раньше, и сейчас больше украинцев склоняются к улучшению связей с Россией, вступлению в Союз России и Беларуси, хотя значительная часть населения по-прежнему ориентирована на Евросоюз. Иначе говоря, геополитические противоречия остаются достаточно острыми.

Не меньше проблем чисто социального плана. Официальная украинская статистика отказалась от классификации населения по классовым признакам, впрочем, как отмечает автор, это теперь стало сложной задачей ввиду того, что 40–50% экономики находится в тени. С горечью автор пишет, что одна из самых крупных социальных групп общества — пенсионеры (24% населения), является и одной из самых бедных: две третьих пенсионеров получают пенсию менее 1000 гривен [Шульга, 2011: с. 75]. Н.Шульга критически отмечает, что статистика услужливо не фиксирует многие экономические показатели социально-экономического неравенства: главным показателем теперь является квинтильный показатель, равный в 2010-м 4,1. Это означает, что “верхние” 20% населения Украины в 4,1 раза богаче, чем “нижние” 20%. Однако автор утверждает, что этот показатель просто скрывает более резкую поляризацию богатства, произошедшую в Украине. Ведь если в России, оперирующей децилями, разница между 10% самых богатых и 10% самых бедных, составляет 15 раз, то вряд ли она была бы меньше в Украине [Шульга, 2011: с. 76]. В 2009 году 30% населения имели доходы ниже прожиточного минимума, а 2% — менее 37 долларов США в месяц (в пересчете с гривен). Вместе с тем по самооценкам материального положения своих семей к нищим отнесли себя только 6%, к бедным — 43%, к средним — 51%, к зажиточным — 0,7% опрошенных домохозяйств [Шульга, 2011: с. 78]. Видимо, как и в других странах, самооценки населения Украины сдвигаются в

сторону центра. К сожалению, констатирует автор, об имущественной дифференциации статистика не содержит информации, да и опросы не позволяют охватить ни самых бедных (маргиналов), ни самых богатых членов общества. В то же время среди 1210 богатейших людей мира, названных в 2011 году, было восемь миллиардеров-украинцев [Шульга, 2011: с. 80]. В этом отношении у страны есть много сходного с Россией.

Таким образом, Украина реально стала рыночной экономикой, близкой к дикому капитализму. Большинство не может приспособиться к новым рыночным реалиям, к обществу, в котором все решают деньги. На вопрос исследования Института социологии НАН Украины в 2007 году: “В какой мере Вы приспособились к нынешней жизненной ситуации?” только 16% ответили, что они активно включились в новую жизнь, и рыночные отношения кажутся им естественным образом жизнедеятельности. Большинство же переживает растерянность, дискомфорт, чувствует себя “не в своей тарелке”. 32% опрошенных пребывают в постоянном поиске себя в нынешних условиях [Шульга, 2011: с. 83]. Но больше всего тех, кто живет, не задумываясь о завтрашнем дне, ожидая перемен к лучшему — их, по опросам, 38%, а среди старшего поколения почти три пятых [Шульга, 2011: с. 84]. Население не только не смогло приспособиться к новой жизни, но и по-новому идентифицировать свое место в ней, осознав свои интересы. Отсюда — пассивность, социальная атомизация, рост недоверия, потеря себя. Гражданское общество так и не сформировалось, зато процветает политический консьюмеризм [Шульга, 2011: с. 140].

Как утверждает Н.Шульга, Украину поразил многоликий моральный кризис. Он проявляется во всеобщей ориентации на потребительство, в исчезновении общих норм и ценностей, в утрате жизненных ориентаций. “Общественная жизнь теперь построена на совершенно других духовных и моральных ценностях, на плюрализме мировоззрений и идеологий. Если раньше главной ценностью провозглашался труд, то теперь — успех” [Шульга, 2011: с. 443]. Поскольку успеха добиваются немногие, остальные чувствуют себя неудачниками. Не случайно в своем будущем в Украине уверено всего 11,8% граждан. Остальные живут одним днем и не знают, как будут жить дальше. По данным мониторинга 2010 года, больше всего граждане Украины боялись быстрого роста цен (77%), невыплаты зарплат, пенсий, пособий (66%), безработицы (61%), ухудшения состояния здоровья (52%); многие боялись голода (34%), роста преступности (32%), холода в квартирах (24%), массовых уличных беспорядков (21%), гражданских конфликтов (20%) [Українське суспільство, 2011: т. 1, с. 336]. Более половины граждан не удовлетворены своим положением в обществе. Этот ряд проблем говорит сам за себя.

Автор делает печальные выводы из анализа 20-летнего постсоветского развития Украины и ее перспектив на будущее: “В таком состоянии, как сегодня, Украина не сможет продержаться бесконечно долго. Все равно произойдут существенные изменения в жизни страны. К сожалению, пока остается большая вероятность усугубления нынешней кризисной ситуации, чем благоприятной перспективы выхода из нее. Ведь практически причины всех кризисных событий, которые проявлялись в предыдущие годы, не устранены. Их проявление только отсрочено. Но накопление кризисных факторов, в конце концов, разразится потрясениями или даже катастрофой. Задача ученых — не скрывать факты и не запугивать, а давать объективный диагноз состояния общества, фиксировать все проявившиеся тенденции, указывать как на те, что несут угрозы, так и на те, что открывают путь выхода из тупика” [Шульга, 2011: с. 420]. Очевидно, что Н.Шульга хорошо осознает анализируемые им “вызовы истории” и пытается дать на них беспристрастный ответ. Он пишет, что главная задача Украины состоит в том, чтобы найти способ, как выйти из кризисного состояния. Впрочем, сделать это в условиях продолжающегося глобального кризиса вряд ли представляется возможным, тем более если принять во внимание сопутствующие объективные факторы, такие как стагнирующая экономика, низкая социальная солидарность граждан, полный разлад в правящих элитных группах.

Автор и сам не видит социальных групп или классов, способных сплотить Украину, радикально переломить ситуацию. Поэтому прогноз на будущее мрачен: украинское государство выйдет из кризиса “еще более атомизированным и в прежнем качественном состоянии — подавленности, апатии, недовольства, отчаяния, недоверия, разобщенности, пассивности, пофигизма и дремоты и с прежней структурой экономики и господством бюрократии, а значит, и с не меньшим, чем сейчас, уровнем коррупции снизу доверху” [Шульга, 2011: с. 422].

Автор отдает себе отчет, что его монография рисует мрачную социальную картину украинского общества: “Неблагодарное дело давать такую однозначно негативную оценку достаточно протяженному периоду жизни общества. Конечно, в такой большой стране, как Украина, можно было бы найти и что-то хорошее, и какие-то островки прогресса. Но задача исследователя состоит в том, чтобы смотреть на общественный организм как на целое, видеть осевые, главные, определяющие тенденции, замечать, в первую очередь, общий окрас состояния общественного климата, а не лишь его отдельные оттенки. К сожалению, общая социальная характеристика нашего общества является негативной, пессимистической” [Шульга, 2011: с. 442].

Что касается анализа главного субъекта политического поля, определяющего во многом судьбу страны, то есть правящей элиты (элит), то Н.Шульга пишет: “Если строго оценивать реальное поведение правящей элиты Украины за последние 20 лет, то она не показала ни поведения, адекватного историческим вызовам, ни ответственности, гарантирующей будущее народа и страны” [Шульга, 2011: с. 172]. Таким образом, остается надеяться на чудо или историческую случайность, которая поможет стране преодолеть тяжелую ситуацию.

Что общего можно найти в рассмотренных монографиях двух авторов?

Во-первых, обе претендуют на самостоятельный критический и оригинальный анализ трансформирующегося общества, находящегося в состоянии неопределенности. Обе не базируются на известных социальных теориях (хотя и частично используют их). Сегодня даже популярные в мировой социальной мысли понятия отчуждения, кризиса, диалектических противоречий не в состоянии адекватно описать, а тем более объяснить постсоветскую социальную реальность. Современные индивиды уже не действуют в стабильном институциональном контексте, для анализа которого классическая социология Дюркгейма имела понятие аномии, а марксисты — понятия отчуждения и социального исключения. Сегодняшние индивиды — где бы они ни жили — постоянно заняты поисками собственной идентичности, которую никакие социальные институты уже не могут им гарантировать на достаточно продолжительное время. Советский Союз с его советской идентичностью развалился; новые структуры не только не стабильны (по сравнению с классическими представлениями о “гиперстабильной” социальной системе), — они не являются привлекательными для постсоветских граждан, которые не хотят более самоидентифицироваться с ними, но и привлекательных для большинства других идентичностей в нестабильном обществе люди не находят. В результате ни национальное государство, ни глобальное сообщество не могут более интегрировать индивидов и гарантировать стабильность и не-“текучую” (Бауман) идентичность. Эти моменты отмечены в книгах обоих авторов, хотя и по-разному: Ж.Тощенко делает это очень эмоционально, однако на основе гносеологического и социального материала, труд Н.Шульги акцентирован на детальном анализе многоплановых данных мониторинга, отражающих социально-политическое и экономическое положение дел в Украине.

Как и монография Ж.Тощенко, монография Н.Шульги сфокусирована на одной стране. Н.Шульга не рассматривает Украину в сравнительной перспективе относительно других постсоветских стран: это критический многосторонний анализ одной страны, который охватывает прежде всего ее политические, экономические, социальные проблемы, представленные сквозь призму рассмотрения становления потребительского общества и “ответов” Украины на те “вызовы современности”, ко-

торые перед ней поставлены современной историей¹. Поэтому можно сравнивать лишь общие выводы двух авторов, составляющие существо их “диагноза современности”. И в то же время “диагноз времени”, то есть состояния Украины, сделанный Н.Шульгой, сопоставим с выводами подобного рода анализа для других стран, включая “российский” анализ Ж.Тощенко.

И теорию “дрейфа на обочину” Н.Шульги, и теорию кентавризма Ж.Тощенко можно рассматривать как заявку на постановку собственного “диагноза времени”, который в обстоятельствах социального кризиса дают социальные теоретики. Мировая социология хорошо знакома с “диагнозом нашего времени”, поставленным в свое время К.Мангеймом, значительно позднее — с выводами Ю.Хабермаса о современности. “Диагноз времени” уточняется после каждого значительного социального катаклизма. Таковым катаклизмом, безусловно, был и распад коммунистической системы — амбициозной по своим целям альтернативы западному модерну, хотя и неуспешной по своим результатам, которая так и осталась пока до конца не осмысленной социальными учеными. Найти адекватную теоретическую интерпретацию этому катаклизму в рамках определенной картины социального мира — задача, которую, сознательно или нет, прямо или косвенно, позволяет решать и каждая из рассмотренных монографий. Диагнозы разные, но проблемы общие. Печально то, что ответа на эти проблемы пока нет. Видимо, само общество пока не готово это сделать.

Источники

Бауман З. Текущая современность / Бауман З. ; пер. с англ. С. А. Комарова ; под ред. Ю.В. Асочакова. — СПб. [и др.] : Питер, 2008. — 240 с.

Буравой М. Транзит без трансформации: российская инволюция в капитализм / М. Буравой // Социология. — Минск, 2010. — № 3. — С. 21–32.

Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее / И. Валлерстайн // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 21–25.

Попова И.М. 1989–1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе) / Попова И.М. — Одесса : Астропринт, 2006. — 232 с.

Романовский Н.В. Принципиально иная точка зрения на состояние российской социологии / Н.В. Романовский, Ж.Тощенко // Global Dialogue. — 2012. — Vol. 2, № 5. — P. 23–24.

Терборн Й. Глобальное неравенство: возвращение класса / Терборн Й. — Global Dialogue. — 2011. — Vol. 2, № 1. — P. 3–5.

Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа) : [монография] / Ж.Тощенко. — М. : Новый хронограф, 2011. — 536 с.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек / Тощенко Ж.Т. — М. : Гардарика, 2001. — 398 с.

Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг : у 2 т. Т. 1 : Аналітичні матеріали / за ред. В.М. Ворони, М.О. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2011. — 576 с.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине / Шульга Н.А. — К. : Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011. — 448 с.

Joas H. War and Modernity / Joas H. — Cambridge : Polity Press, 2003. — 256 p.

¹ Пожалуй, монографию Н.Шульги по замыслу и поставленной важной задаче (осмыслить вызовы времени и поставить диагноз современности) содержательно можно сопоставить с работой другого известного украинского автора И.Поповой (2006), где дается панорама мнений и настроений в Украине времен перестройки, хотя масштабы охвата данных в этих двух работах несопоставимы: в одном случае вся страна, в другом — Одесса.